

Юрий ПОЛЯКОВ

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ

Реализм в искусстве — кусок мяса.
а модернизм — укропчик, которым он посыпан

— Юрий Михайлович, вы всегда были автором, реагирующим на острые проблемы современности. Вы — социальный беллетрист?

— Этот вопрос тяготеет надо мной с появления самой первой моей вещи — «ЧП районного масштаба». Для того чтобы объяснить феномен популярности этой вещи, критика стабильно, уже в течение многих лет, обвиняет меня в конъюнктурности. «Социальная беллетристика» — легко сказано, «социально-конъюнктурная проза» — вы имели в виду. Но тут есть одна любопытная деталь — обычно вещи, сориентированные на сиюминутную проблематику,

живут, пока живет эта проблематика. Как только она исчезает — исчезает и забывается произведение. А с моими вещами получается странно — все они переиздаются в современную, новую эпоху, расходятся, читаются. Я бы так сказал: социальному аспекту в прозе я, конечно, уделяю очень большое внимание, но это только один из уровней этой прозы. Я здесь никаких Америк не открывал, я этому учился у нашей отечественной классики XIX века, которая умела сочетать необыкновенную социальную остроту и просто литературу.

(Окончание на 6-й стр.)

6

НАША ГОСТИНАЯ

Юрий ПОЛЯКОВ:

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ

РЕАЛИЗМ В ИСКУССТВЕ — КУСОК МЯСА.

А МОДЕРНИЗМ — УКРОПЧИК, КОТОРЫМ ОН ПОСЫПАН

Вот Тургенев — он социальный беллетрист, но все проблемы, которые он поднимал в социальном плане, давно ушли, а проза Тургенева осталась.

А проза, которая принципиально существует вне социальной проблематики своего времени, она лично мне, например, совершенно не интересна. Она и невозможна. Может быть имитация асоциальности, но асоциальность — тоже вид социальности. Просто я откровенно социален.

— А какую роль это играет в наше время?

— Сейчас положение в литературе очень сложное. В известной степени она утратила свое влияние на общественное сознание в силу объективных причин — трансформации общественного сознания, усложнения жизни. Что такое был социализм? Это была большая избачитальня. У людей был вполне сносный жизненный минимум, полная уверенность в завтрашнем дне, никаких особых излишеств. Чтение в этот момент было выходом в мечты о чем-то большем. А сейчас, когда практически 99 процентов населения борются за жизнь, не зная, что с ними будет завтра, естественно, особенно некогда читать.

Во-вторых, в литературе кто-то встал на путь соглашательства с режимом, кто-то — на путь глубокой оппозиции, они подорвали авторитет литературы.

Сейчас, как ни странно, при всей свободе слова, влияние литературы на умы гораздо меньше. Но я думаю, что это влияние будет возрастать, мы неизбежно придем, хотя и в ослабленной форме, но все же опять к авторитарному и идеократическому государству, а раз так, то опять увеличится роль всех видов искусства, которые связаны с формированием общественного сознания.

— Ваши новые произведения не стали меньше по масштабу разоблачения? В те времена вы писали об армии, о комсомоле, а теперь — «Козленок в молоке»...

— Дело в том, что не было с самого начала никакой установки на разоблачение — я никогда не относился к литературе чернушного плана, как Коледин и так далее. Просто в том обществе было гораздо больше мифологизированных табуированных частей жизни. Поэтому любое высказывание на эти темы воспринималось как разоблачение. Какое там разоблачение? Просто попытка дать какую-то более или менее реальную картину жизни общества. Поэтому с наступлением так называемой гласности, когда целенаправленно разрушались социалистические мифы, это восприятие литературы как срывательницы «всех и всяческих масок» естественно укоренилось.

Дело в том, что когда разрушались мифы советской эпохи, то одновременно конструировались мифы постсоветской. Но они делались, во-первых, по более тонким технологиям, собственно, почему нас и переиграли в третьей мировой войне на идеологическом уровне, и, во-вторых, они были более соотносены с реальностью.

С советским мифом было так: отдельно существовала армия и отдельно — литература об армии. Отдельно существовал комсомол и отдельно — литература о комсомоле — две абсолютно разные стороны.

Одной из основных своих задач я считаю демифологизацию действительности с помощью литературы. Но сейчас приходится демифологизировать более тонко организованные мифы, организованные в частностях. Раньше было так: дал колотушкой! Развалилось — все уви-

Окончание. Начало на 1-й стр.

мяса, а модернизм — укропчик, которым он посыпан, розеточка какая-нибудь, из морковочки вырезанная; все это, может быть, красиво, но ведь надо мясо есть, а не морковочку с укропчиком. Поэтому я попытался вокруг альманаха объединить писателей, близких мне по мироощущению и пониманию задач литературы. Ну и по отношению к происходящему в стране. Если писатель доволен тем, что происходит в стране, то лично мне с ним говорить не о чем. Это одно из двух: или он чудовищный приспособленец, который скрывает свои взгляды, или он просто дурак. Или третье — человек совершенно равнодушен к судьбе Отечества и собирается жить за рубежом.

— Вы сотрудничаете одновременно с несколькими газетами, даже с такими диаметрально противоположными по своей политике, как «Московский комсомолец» и «Завтра». Что это, попытка примирить два лагеря?

— Ну, тут сложный вопрос. Во-первых, я специально ни с кем не сотрудничаю, ко мне сами обращаются самые разные издания. Но есть несколько одиозных изданий, с которыми я принципиально не сотрудничаю. Это издания, либеральные до самоиступления. Тут, видимо, особенность моих текстов сказывается. Например, когда «Демгородок» у меня выходил, то куски примерно одни и те же опубликовали «Московский комсомолец» и газета «Завтра», тогда еще «День». «Козленок в молоке» тоже опубликовали «Завтра» и «Московский комсомолец». Это говорит о том, что в принципе, если литература пытается серьезно разоблачиться в происходящем, то она интересна и тем, и тем. Я сотрудничаю в некоторых газетах, точки зрения которых я не разделяю, так как я отлично понимаю, что если я выскажу эти мысли на страницах «Правды», то их прочитают люди, которые и без того так думают. А если я выскажу эти мысли в «Московском комсомольце», то их прочитают люди, которые «Правду» никогда не читают. И выясняется интересное обстоятельство: объективные наблюдения и соображения, попытка с болью разоблачиться в происходящем сочувственно воспринимаются независимо от поверхностных политических взглядов.

На глубинном уровне большинство людей озабочены судьбой Отечества. И это наводит на мысль, что консолидация общества возможна и даже неизбежна. Я считаю, что задача писателя сейчас — начинать консолидировать общество; богатых мы уже никуда не денем, иначе опять придется проливать кровь, бедных мы тоже не приучим к мысли, что они всегда теперь будут в ничтожестве, людям, которые не смирились с потерей территории «большой России», тоже никогда не объясним, что Крым теперь не наш, мне, например, это объяснить невозможно. Многие моменты отменить просто нельзя, и надо начинать их примирять и создавать идеологию переходного периода, которая людям помогала бы жить в этих абсурдных обстоятельствах. Этим всегда занималась по большому счету литература.

— А стихи вы сейчас пишете?

— Время от времени, в порядке ин-

тимного дневника. Я издал несколько книжек стихов, вступил в Союз писателей именно как поэт, мои стихи включены даже в разные антологии, особенно циклы стихов о войне. Я вообще военной темой занимался, у меня диссертация по фронтовой поэзии. Я считаю, что фронтовая поэзия — одно из самых мощных явлений отечественной литературы двадцатого века. Сейчас она немножко отошла в тень в связи с разрушительным мифом о том, что вообще не нужно было воевать. Фронтовая поэзия во многом преодолела разрушительную интернационалистскую идеологию первых двух революционных десятилетий. Литература войны, особенно поэзия, вернулась к истокам, причем сразу зазвучали мотивы Серебряного века. Поэзия Серебряного века пришла к нам практически через фронтовую поэзию.

— Вы надеетесь стать классиком для читателей будущего?

— Это вопрос сложный. Например, Михалков, выступая на моем сорокалетии, со свойственным ему юмором назвал меня «последним классиком советской литературы». В этом есть доля добродушной издевки старшего товарища, но есть и доля правды, потому что мои вещи были действительно последними произведениями советской литературы, которые были включены в школьную программу, — «Сто дней до приказа» и «Работа над ошибками». Поэтому в этом смысле я уже классик — я знаю, что мои тексты входят и в спецкурсы по советской литературе, и на дипломы меня приглашали, и диссертанты звонили.

Но поскольку я сам по образованию литературовед, я хорошо себе представляю специфику литературного процесса — это организационная классичность, которая сегодня есть — завтра нет. Завтра программа изменилась — выбросили. Появилось что-то лучшее — и все, эта классичность закончилась. А есть классичность сущностная, то есть твои тексты становятся настолько неотъемлемой частью духовной жизни общества, истории литературы, что их постоянно перечитывают, они становятся элементом духовной мозаики: вынь их — и получится что-то не то. Это вот Владимир Соколов такой классик, представить без него русскую поэзию XX века невозможно. К этому надо стремиться. Ситуационных классиков навалом — при советской власти косяками ходили, — куда они все делись? А ведь эпоха еще будет меняться, и тоже вместе с эпохой будут отваливаться целые пласты классиков так называемых.

В сущностном плане я никакой не классик, я только учусь.

Мы однажды с приятелем копали червей перед рассветом, для рыбалки, и не могли найти ни одного. Вдруг солнце выкатилось, смотрим — мы стоим, они по нас ползают. Вот так и в жизни: новая эпоха — это солнце, и вдруг становится ясно, что человек зря старался — ему изначально не было дано. Вот читаешь Пильняка — и думаешь: «А чего он дергался? Все понятно с первой строчки: «Автобус рвал воздух на шоссе». Ну, все ясно, парень, можешь писать сколько угодно, ничего у тебя хорошего не получится». Или читаешь воспоминания Мариенгофа: Боже мой, неужели он действительно думал, что он ровня Есенину?!

В этом жестокость мастерства. В известной степени, это лотерея. Хочешь — давай, а что будет — неизвестно. Это станет понятно только через годы.

Беседу вели
И. СЛАВИН и Н. ГОРЛОВА